

ПРЕСТУПЛЕНІЯ

ПРОТИВЪ РЕЛИГИИ

ВЪ

ВАЖНѢЙШИХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ ЗАПАДА.

ИСТОРИКО-ДОГМАТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Л. С. Вьлогрицъ-Котляревскаго.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типографія Г. Гальцъ. Духовская улица, собст. домъ.

1886.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемое изслѣдованіе имѣетъ своимъ предметомъ преступленіе, важнѣйшая роль котораго отошла въ область исторіи, во мракъ среднихъ вѣковъ. Но оно не лишено значенія и въ наше время, такъ какъ охрана религіи и теперь необходима не только въ интересахъ личности—свободы ея совѣсти, но и въ интересахъ самаго общества, однимъ изъ жизненныхъ условій существованія и развитія котораго религія до сихъ поръ служитъ. Не смотря на такое важное значеніе противорелигіозныхъ посягательствъ въ строѣ общественной жизни, мы не встрѣчаемъ въ юридической литературѣ ни одной спеціальной обстоятельной монографіи, которая бы въ одномъ цѣлостномъ изложеніи представила бы исторію даннаго преступленія и его догматическую постановку. Предлагаемая работа имѣетъ своею цѣлью пополнить ощутительный пробѣлъ въ этомъ отношеніи.

Задумавъ написать историко-догматическое изслѣдованіе о преступленіяхъ противъ религіи въ важнѣйшихъ государствахъ запада, я счелъ необходимымъ сопоставить его съ изученіемъ отношенія государства къ религіозной свободѣ въ древнемъ и среднемъ мірѣ и реформаторскихъ ученій по этому послѣднему вопросу, какъ съ такимъ, которое часто проливаетъ свѣтъ на природу и объемъ юридическихъ опредѣленій о преступленіяхъ противъ религіи въ разные періоды исторіи и одно только въ состояніи указать причины видоизмѣняемости круга послѣднихъ.

IV.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ мой трудъ, представляющій первую историко-догматическую монографію по данному вопросу, располагающему весьма обширной, но крайне разбросанной и отрывочной литературой, совершенно естественно могли вкратиться болѣе или менѣе существенныя недосмотры, промахи и т. п.; но я позволяю себѣ надѣяться, что при его оцѣнкѣ не будутъ забыты характеръ вопроса и его весьма недостаточное научное изученіе.

Ярославль
25 марта 1886 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Отношеніе къ религіозной свободѣ въ древнемъ и среднемъ мірѣ.

Религія, какъ выраженіе свободной совѣсти лица, есть продуктъ новѣйшей цивилизаціи; идея индивидуальной свободы совѣсти, впервые провозглашенная великимъ основателемъ христіанства, была слишкомъ высока для прежнихъ формъ цивилизаціи. Теократическій строй Іудейскаго царства, представлявшій полное смѣшеніе права и религіи ¹⁾, былъ несовмѣстенъ съ этой идеей. По ученію библіи всѣ законы, опредѣляющіе отношенія общественной и частной жизни, суть заповѣди самого Бога, Іеговы ²⁾; отсюда посягательство на эти законы является не только преступленіемъ противъ государства, но и нарушеніемъ воли, заповѣди самого Божества; идея грѣха, такимъ образомъ, совпадаетъ съ идеей преступленія, а тамъ, гдѣ нарушеніе моральной обязанности къ Божеству клеймится именемъ преступленія, очевидно, нѣтъ мѣста для свободы совѣсти ³⁾.

¹⁾ Bluntschli, Ueber das Verhältniss des modernen Staates zur Religion, Gesammelte kleine Schriften, 2 Band, стр. 151.

²⁾ Samuel Mayer, Geschichte der Strafrechte, 1876 г., 3 Band, стр. 390; Geffcken, Staat und Kirche, 1875, стр. 31, 40.

³⁾ Впрочемъ, простое невѣріе, возникшее путемъ изслѣдованія истины, если оно не сопровождалось вѣрнымъ культомъ чужому богу,

Болѣе благопріятенъ былъ свободѣ совѣсти античный строй римскаго государства. Последнее терпѣло чужіе національные культы, признавая за ними даже нѣкоторое внутреннее право: „всякому государству, говоритъ Цицеронъ, принадлежитъ своя религія, намъ наша“ ¹⁾. На чужіе культы Римляне смотрѣли, какъ на національныя государственныя учрежденія, какъ на эманацию народнаго духа, подобно языку и праву, а потому и относились къ нимъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ; завоеывая чужіе народы, они не разрушали ихъ храмовъ и не изгоняли ихъ боговъ ²⁾. Въ глубинѣ такой политики лежало, впрочемъ, и другое основаніе. Оно скрывается въ природѣ самаго политеизма, представлявшаго національную религію римлянъ: кто не чтитъ единого бога, для того нѣтъ ложныхъ боговъ. Римъ, глубоко чтившій своихъ боговъ, не отрицалъ и могущества чужихъ; правда, послѣдніе не одинаковаго могущества съ его національными богами, за то всѣ они равно истинны ³⁾.

кажется, не преслѣдовалось свѣтскою властью: по толкованію талмудистовъ, виновному грозило лишь внѣземное наказаніе—потеря вѣчнаго блаженства; см. Mayer, Geschichte, стр. 401; Michaelis, Mo-saisches Recht, 1770—1775 г., § 246, стр. 104. Мнѣніе Michaelis'а, будто законы Моисея не стѣсняли религіозную совѣсть (§ 33, стр. 174; § 184, стр. 7), совершенно противорѣчитъ всему духу библіи.

¹⁾ «Sua cuique civitati religio est—nostra nobis»; см. Mayer, ib., 406; Маасенъ, Девять главъ о свободѣ совѣсти, переводъ Суворова, 1882 г., стр. 17; Rein, Das Criminalrecht der Römer, 1844, стр. 887—888.

²⁾ Маасенъ, ib.; Буасье. Римская религія отъ Августа до Антониновъ, переводъ Корсакъ, 1878 г., стр. 272; Бердниковъ, Государственный характеръ Римской религіи, Православ. Собесѣдникъ, 1881 г., февраль, стр. 209, 211, 212, 214.

³⁾ Во время осады чужихъ городовъ, путешествія по чужимъ землямъ Римляне воздавали культъ мѣстнымъ богамъ, съ одной стороны, изъ опасенія навлечь ихъ гнѣвъ, а съ другой—изъ желанія снискать ихъ благоволеніе и помощь. Разрушая и опустошая чужіе города, Римляне, желая отвратить гнѣвъ мѣстныхъ боговъ, ос-

Благодаря этому, чужіе культы въ Римѣ не только пользова-
лись правомъ свободнаго исповѣданія, но часто смѣшивались съ
національною религіею самихъ римлянъ ¹⁾. Послѣдніе, по мѣрѣ
наводненій ихъ столицы побѣжденными народами, часто не толь-
ко принимали ихъ боговъ въ свой пантеонъ, но и сами возда-
вали имъ поклоненіе, какъ напр., нѣкоторымъ египетскимъ, си-
рійскимъ, финикійскимъ и фригійскимъ божествамъ ²⁾. Съ тече-
ніемъ времени смѣшеніе религій въ Римѣ сообщило его политеиз-
му чуть-ли не космополитическую окраску, такъ что въ обраще-
ніяхъ къ опредѣленному національному богу часто употребляли
весьма широкую, общую оговорку: „кто бы ты ни былъ, какое
бы ты имя не носилъ“ ³⁾.

Только евреи и христіане не вошли въ эту религіозную смѣсь,
какъ представители культовъ: тщетно жрецы, философы и чи-
новники предлагали имъ привести своего Бога къ соглашенію съ
ихъ языческими божествами; евреи и христіане отвѣтили отказомъ,
такъ какъ это соглашеніе посягало на самое основаніе ихъ рели-
гій—вѣру въ единого Бога ⁴⁾. Этотъ отказъ былъ равносиль-

тавляли нѣсколько семействъ для воздаванія имъ поклоненій; см.
Буассье, *ib.*, 271, 273, 277; Маасень, *ib.*, 18.

¹⁾ Этому смѣшенію много помогли посредствующіе культы, съ дав-
нихъ поръ заимствованные у чужеземцевъ и утвердившіеся въ Ри-
мѣ, какъ напр., культъ Цереры, сохранившій греческіе обряды, и
другіе; см. Буассье, Римская религія, 312.

²⁾ Такъ, поклонялись Кападокійской богинѣ Ма, матери боговъ—
Греческой богинѣ Цибелѣ, Египетскимъ божествамъ Серапису и Изидѣ,
Сирійской богинѣ Астартѣ, богу солнца Митрѣ, Эскулапу и др.;
см. Geffcken, *ib.*, 69; Маасень, О свободѣ совѣсти, 19; Rein, *ib.*,
888; Буассье, *ib.*, 282—285; 321—322; Суворовъ, Объемъ юрисдик-
ціи церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ, 1884 г., 16.

³⁾ Это смѣшеніе достигло своего апогея во 2-мъ вѣкѣ; см. Буассье,
Римская религія, стр. 306, 321; Маасень, *ib.*, 18, 19; Блюнчли,
ib., 10; см. также Лашкаревъ, Отношеніе римскаго государства къ
религій вообще и къ христіанству въ особенности до Константина
Великаго включительно, Кіевъ, 1876, стр. 13.

⁴⁾ Александръ Северъ даже помѣстилъ въ своей молельнѣ, куда
онъ ежедневно приходилъ молиться, изображеніе Христа рядомъ съ

пренебреженію ко всѣмъ языческимъ богамъ, въ томъ числѣ и къ національнымъ римскимъ, а потому и не могъ не вызвать общаго негодованія; всѣхъ язычниковъ оскорбляло нежеланіе христіанъ помѣстить своего Бога на ряду съ ихъ собственными въ пантеонѣ, въ этомъ святилищѣ, въ которомъ всѣхъ ихъ собирали ¹⁾. Негодованіе язычниковъ противъ христіанъ превратилось въ ненависть, когда послѣдніе стали открыто выражать свое презрѣніе къ языческимъ богамъ и желаніе ихъ истребленія: „приносящій жертву богамъ, кромѣ одного Господа, да будетъ истребленъ“—говорили они ²⁾. По словамъ Тацита, суевѣріе христіанъ вызвало ненависть всего человѣческаго рода и они были объявлены врагами послѣдняго ³⁾. Кромѣ народной ненависти къ христіанамъ, были и другія причины, которыя должны были вызвать ихъ преслѣдованіе. Христіане составляли общества и сходились въ тайныхъ собраніяхъ, а всякіе религіозные фрейны

изображеніемъ языческихъ боговъ, но, разумѣется, и этотъ шагъ къ соглашенію привести не могъ; см. Буассье, Римская религія, 321—323; Маасень, *ib.*, 32, 33. Раньше Тиверій, по словамъ Тертуліана, пытался сопричислить Христа къ римскимъ богамъ, но Сенатъ это сопричисленіе отвергъ, см. Лашкаревъ, тамъ-же, стр. 23.

¹⁾ Буассье, *ib.*, 324.

²⁾ Буассье, *ib.*, 323; Rein, *ib.*, 890. Христіанскіе апологеты заходили еще дальше; такъ, Тертуліанъ обвиняетъ господствующую религію во всѣхъ общественныхъ бѣдствіяхъ, наводненіяхъ, пожарѣ, затмѣніяхъ и призываетъ Божій гнѣвъ на національное идолопоклонство; объявляя языческихъ боговъ за демоновъ, онъ предупреждаетъ противниковъ, что они могутъ быть поражены слѣпотою, съѣдены червями или постигнуты другими страшными бѣдствіями; см. Дреперъ, Исторія умственного развитія Европы, переводъ Пыпина, 1869, стр. 237; также Geffcken, *ib.*, 66, 67.

³⁾ Mayer, *ib.*, 407; Маасень, *ib.*, 35; Geffcken, *ib.*, 65; Rein, *ib.*, 890; Буассье, *ib.*, 324; Литтре, Варвары и Средніе вѣка, переводъ съ француз. Маркевичъ, 1874 г., стр. 18; см. у него ближайшее толкованіе сюда относящагося мѣста изъ Тацита. Вѣроятно, подъ вліяніемъ этой ненависти къ христіанамъ на нихъ ввоздвигались обвиненія въ мнимомъ атеизмѣ, свальномъ грѣхѣ и въ людоедствѣ—въ употребленіи въ пищу дѣтей; см. Лашкаревъ, *ib.*, 28, 36.

были запрещены, такъ какъ опасались, что послѣдніе могутъ преслѣдовать вредныя для государства политическія цѣли ¹⁾).

Далѣе, въ основѣ христіанской религіи лежала тенденція прозелитизма, вредная для государственнаго культа римлянъ; послѣдній, какъ и вообще языческіе культы, былъ запечатлѣнъ узконаціональнымъ характеромъ; представленіе о религіи космополитической, не связанной предѣлами національности или политическаго организма, для римлянъ было чуждо. Они такъ мало претендовали на распространеніе своей религіи, что въ древнѣйшее время скрывали ее отъ чужихъ народовъ, какъ тайну, нарушеніе которой могло повлечь даже смертную казнь, а позже открывали свой культъ только тѣмъ, кто лучше всѣхъ служилъ римской политикѣ ²⁾. Христіанская религія, будучи лишена главной опоры терпимости — національной основы, въ то же время претендовала силою истины и убѣжденія завоевать и преобразо-

¹⁾ Mayer, *ib.*, 406; Rein, *ib.*, 890; Лашкаревъ, *ib.*, 20; Буасье, *ib.*, 280; Бердниковъ, *ib.*, 1881 г., апрѣль, 428; см. у него подробное указаніе причинъ преслѣдованія христіанъ. Незаконность собраній христіанъ и опасность ихъ для государства послужили главнымъ легальнымъ аргументомъ, который приводила римская власть, начиная преслѣдованія христіанъ. Закона, въ силу котораго можно было вчать послѣднія по религіознымъ основаніямъ, не было: власть должна была опереться на политическія причины; см. Буасье, Римская религія, *ib.*; Mayer, *Geschichte*, 407. «Приверженцевъ повнзны, говорилъ Меценатъ императору Августу по поводу христіанъ, преслѣдуй всячески-ми наказаніями, ибо отсюда происходятъ заговоры, тайныя общества и политическія секты; все это вредно для государственнаго единства»; см. Осокинъ, Исторія альбигойцевъ, т. II—подъ заглавіемъ: «Первая инквизиція или завоеваніе Лангедока французами», Казань, 1872 г., стр. 390; Лашкаревъ, *ib.*, 20.

²⁾ Маасень, Девять главъ о свободѣ совѣсти, 17, 18; Буасье, Римская религія, 272, 273. Чѣмъ болѣе римляне вѣрили въ могущество и силу своихъ боговъ, тѣмъ не охотнѣе они допускали къ нимъ иностранцевъ; они боялись сообщеніемъ культа этихъ боговъ послѣднимъ передать часть той помощи и силы, которыми надѣляли ихъ божества; см. Буасье, *ib.*, 273.

вать весь міръ, распространиться на всѣ народы; она, такимъ образомъ, по самому существу своему выступала враждебно противъ національной религіи государства, которое, разумѣется, не могло относиться равнодушно къ посягательству на послѣднюю, ибо она лежала въ основѣ его собственнаго строя ¹⁾. Христіанство, посягая на національную римскую религію, подкапывалось подъ жизненный принципъ самаго государства и съ другой стороны. Краеугольнымъ камнемъ его устройства служило начало подчиненія личности государству; первая всецѣло поглощалась послѣднимъ; для нея высшимъ, абсолютнымъ императивомъ былъ государственный законъ, предъ которымъ долженъ былъ умолкать голосъ совѣсти каждаго отдѣльнаго человѣка. Христіанство же объявило, что есть начало высшее, чѣмъ законъ, чѣмъ требованіе государственной воли: это заповѣдь Божія, запечатлѣнная во внушеніяхъ совѣсти; при коллизіи этихъ двухъ императивовъ долженъ взять верхъ послѣдній, требованіе государства должно уступить абсолютной обязанности совѣсти ²⁾. Начало новаго міра—принципъ индивидуальной свободы личности столкнулся съ кореннымъ началомъ древняго міра—порабощеніемъ личности, и борьба, разумѣется, сдѣлалась неизбежной.

Пропасть, лежавшая между этими двумя началами, раскрылась тѣмъ глубже, что уже со времени императора Августа въ Римскомъ государствѣ рядомъ съ древно-языческой національной религіей возникъ императорскій культъ ³⁾. Поклопеніе императо-

¹⁾ Geffcken, Staat und Kirche, 63; Маасень, *ib.*, 26—27; И. Бердниковъ, Участіе римской религіи въ дѣлахъ государственныхъ, Православный собесѣдникъ, 1880, февраль, стр. 114, 115 и слѣд.; см. у него прекрасное освѣщеніе значенія религіи въ римскомъ государственномъ строѣ; Ланфре, Политическая исторія папъ, переводъ съ французскаго, 1870 г., стр. 4.

²⁾ Geffcken, *ib.*, 63; Маасень, *ib.*, 28; Чичеринъ, Исторія политическихъ ученій, ч. I, стр. 99; Бердниковъ, Церковь Христова въ Римскомъ государствѣ, Правосл. Собесѣдникъ, 1881 г., мартъ, 353, 355, 358.

³⁾ Маасень, *ib.*, 22; Буассье, Римская религія, 116, 117 и слѣд. Апофеозъ Августа предшествовали апофеозы Цезаря, Октавія и др.,

рамъ, какъ богамъ, еще тѣснѣе связало религію съ государствомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе подчинило индивидуальную совѣсть господству государства ¹⁾. Съ этого момента строй государственной жизни принялъ теократическую окраску, и границы, отдѣлявшія религію отъ права, должны были мало-помалу сгладиться. Религіозныя нарушенія пріобрѣли характеръ преступленій противъ государства: кто не исполнялъ обрядовъ или церемоній государственнаго культа становился преступнымъ не только въ оскорбленіи религіи, но и въ оскорбленіи величества ²⁾. Христіане, принципиально отказывавшіеся воздавать почести языческимъ богамъ, были объявлены виновными въ возмущеніи не только противъ религіи, но и противъ величества римскаго государства ³⁾.

Вспыхнула борьба не на жизнь, а на смерть. Начиная съ Траяна, древняя языческая государственная система, достигшая въ это время кульминаціоннаго пункта своего развитія, испытала самыя отчаянныя средства побѣдить новый принципъ свободы совѣсти, но напрасно: побѣда послѣдняя была обезпечена его внутреннимъ превосходствомъ и вѣрнымъ служеніемъ ему первыхъ по-

народъ имъ воздавалъ божескія почести при жизни, а божественность Цезаря послѣ его смерти была оффиціально признана Сенатомъ; Буассье, *ib.*, 99—120. Древнѣйшимъ источникомъ апофеозы императоровъ послужилъ культъ древнихъ царей и умершихъ, превращавшихся послѣ смерти, по вѣрованію римлянъ, въ боговъ; см. Буассье, *ib.*, 89—105; ср. Маасень, *ib.*, 22.

¹⁾ Августу приписываютъ слова, въ которыхъ онъ не только запрещаетъ отступать отъ государственной религіи, но приказываетъ принуждать къ ней. Тотъ же императоръ, по словамъ Буассье (*ib.*, 85), причислялъ неуваженіе къ его статуямъ, перемѣну одежды передъ его изображеніемъ, занесеніе нечаянно въ дурное мѣсто монеты съ его изображеніемъ къ видамъ святотатства, достойнымъ смертной казни.

²⁾ Маасень, *ib.*, 31; Rein, *ib.* 890.

³⁾ Маасень, *ib.*, 35; см. также Буассье, *ib.*, 147; Бердниковъ, Государств. характеръ римской религіи, *ib.*, 1881 г., январь, 108; Лашкаревъ, *ib.*, 36.

слѣдователей христіанства ¹⁾. Нужна была только личность, которая бы своимъ авторитетомъ освятила это превосходство. Такою личностью былъ Константинъ. Въ 313 году вышелъ въ Миланѣ знаменитый эдиктъ императоровъ Константина и Лицінія, объявившій свободу вѣроисповѣданія естественнаго, т. е. человѣческимъ правомъ и предоставившій каждому почитать того Бога, къ которому влечетъ его чувство. Свобода совѣсти, коренной принципъ христіанскаго ученія, въ этомъ эдиктѣ признается вполнѣ, въ самомъ чистомъ видѣ: нѣтъ различія между язычниками и христіанами; тѣмъ и другимъ предоставлено равное право свободно исповѣдывать совѣсть ²⁾.

Не долго однако признавалось это право. Принципъ внутренней индивидуальной свободы стоялъ гораздо выше сознанія тогдашняго языческаго міра. Въ послѣднемъ слишкомъ глубоко вко-

³⁾ Путь для торжества христіанства, впрочемъ, былъ подготовленъ религіознымъ и философскимъ движеніями, предшествовавшими его утвержденію. Въ обществѣ значительно раньше послѣдняго пробудилась потребность, жажда вѣры въ болѣе твердые догматы, чѣмъ та смѣсь, которую представлялъ національный культъ. Философія, возвышаясь надъ послѣднимъ, построеннымъ главнымъ образомъ на соблюденіи, уваженіи къ формѣ, обряду, пыталась его измѣнить внесеніемъ поклоненія божеству въ духъ: «лучше приносить въ храмъ благочестивую и вѣрную душу, нежели выученныя наизусть молитвы», говорили они. Но философія, какъ и разные религіозные культы, будучи раздѣлена на множество противоположныхъ школъ, не могли прійти къ соглашенію по поводу такихъ основныхъ вопросовъ, какъ существованіе души послѣ смерти, природа божескаго естества, не способна была дать прочныя вѣрованія; ихъ могла дать только религія, возвѣщающая истину отъ лица самаго Божества; см. Буассье, Римская религія, стр. 624—626; 940—645; см. также Литтре, Варвары и средніе вѣка, стр. XXI и 25: «христіанство, говоритъ послѣдній, могло утвердиться въ Римѣ только потому, что до него язычество подготовило все—правы, литературу, искусство и науку».

¹⁾ Bluntschli, Geschichte des Rechts der Bekenntnissfreiheit, 11; Маасенъ, *ibid*, 40, 43; Дреперъ, *ib.*, 241; Geffcken, *ib.*, 84.

ренилась идея государственной религіи, чтобы онъ могъ сразу съ нею разстаться; необходимо достаточно высокое духовное развитіе для успѣшнаго воспріятія великой идеи свободы совѣсти. Этого развитія не доставало въ язычникахъ, они слишкомъ сроднились съ фактомъ подчиненія государственному культу, чтобы сразу съ нимъ покончить. Естественно поэтому, что, обратившись массами въ христіанство, язычники неминуемо должны были привнести съ собою и сознаніе неизбѣжности этого факта. Пржеже христіане, а также ихъ пастыри слишкомъ скоро позабыли времена угнетеній и преслѣдованій христіанства, чтобы упорно бороться съ традиціями новообращенныхъ язычниковъ и отстоять неприкосновенность высокаго принципа. Среди епископовъ, стоявшихъ во главѣ христіанской церкви, во времена Константина не было, говоритъ Маасень, кажется, ни одного, который могъ бы предостеречь императора отъ нарушеній имъ же провозглашеннаго принципа свободы совѣсти ¹⁾. Послѣдующіе же отцы церкви, хотя и выступали на защиту свободы совѣсти, какъ напр. Иларій, св. Афанасій, св. Іоаннъ Златоустъ, утверждавшіе, что миръ въ церкви не можетъ быть иначе водворенъ, какъ дарованіемъ возможности жить всѣмъ по своему убѣжденію безъ всякаго рабскаго понужденія, что истина провозглашается не мечемъ, но путемъ убѣжденія и назиданія, ибо Господь не понуждаетъ, но предоставляетъ выборъ свободной воли каждаго, говоря: „кто хочетъ послѣдовать за мною“, что христіанамъ не дозволено разрушать заблужденія принужденіемъ и насиліемъ, напротивъ, они должны дѣйствовать для спасенія людей убѣжденіемъ, вразумленіемъ и благостію, ²⁾—но эта защита раздавалась обыкновенно въ виду притѣсненій, которымъ подвергалась православная церковь со стороны сектантовъ, и такимъ образомъ носила какъ бы характеръ

¹⁾ Маасень, *ib.*, 46.

²⁾ Тернеръ, Свобода совѣсти и отношеніе государства къ церкви, Сборникъ государственныхъ знаній, т. III. стр. 7—8; Маасень, *ib.*, 57—59; Осокинъ, *ib.*, 401.

самозащиты ¹⁾. При томъ же защита свободы совѣсти не всегда выдерживалась великими учителями церкви; нерѣдко изъ ихъ устъ раздавались слова нетерпимости, какъ напр. изъ устъ Іоанна Златоуста, который, объявивъ убѣжденіе и любовь единственно-истиннымъ средствомъ разрушенія заблужденій, въ послѣдствіи допускалъ для еретиковъ лишеніе свободы и не удержался отъ разрушенія языческихъ храмовъ и отъ поощренія неоднократно письмами монаховъ, посланныхъ въ Финикію, къ подобному же предпріятію ²⁾.

Не мудрено, что провозглашенный въ 313 году принципъ свободы совѣсти при такихъ условіяхъ былъ вскорѣ позабытъ; починокъ нарушеній его былъ сдѣланъ самимъ Константиномъ, сначала въ отношеніи Іудеевъ, а потомъ и язычниковъ. Императоры, на которыхъ христіанскіе писатели возлагаютъ миссію распространенія новой религіи, предпринимаютъ сначала разрушеніе языческихъ храмовъ, истребленіе идоловъ, а затѣмъ переходятъ къ преслѣдованіямъ самихъ язычниковъ ³⁾. Страница исторіи перевертывается: та самая защита, которою прежде государство охраняло языческую государственную религію, переходитъ на сторону христіанской. Денежныя штрафы, лишеніе гражданскихъ правъ, конфискація имуществъ, разные виды тѣлесныхъ наказаній и смертная казнь, прежде угрожавшіе послѣдователямъ христіанства, теперь перешли на язычниковъ.

¹⁾ Тернеръ, *ib.*, стр. 7.

²⁾ Тернеръ, *ib.*, стр. 7—8; Твор. святыхъ отцовъ, изд. Моск. духовной академіи, Попечительность Іоанна Златоуста о распространеніи евангелія между язычниками, 1844 г. кн. 3, стр. 347—348; Маасень, *ib.*, 52; contra Кипарисовъ, О свободѣ совѣсти, выпускъ 1-й, 1883 г., 101—108; 376—377; авторъ отрицаетъ свидѣтельство Феодорита, признаваемое многими за достовѣрное, о томъ, что Златоустъ рекомендовалъ принужденіе въ дѣлахъ вѣры, но аргументація г. Кипарисова не представляется убѣдительною; см. особенно толкованіе письма Златоуста къ финикійскимъ миссіонерамъ (стр. 260).

³⁾ Маасень, *ib.*, 47, 48; Кипарисовъ, *ib.*, 187—192.

Разныя бѣдствія, какъ-то—голодь, наводненія, пожары, прежде приписывавшіеся ненавистному суевѣрію—христіанству, теперь стали производиться безбожія язычниковъ, которое, оскорбляя Божество, требуетъ для его умилоствленія надлежащихъ наказаній ¹⁾).

Но христіанскіе императоры не ограничиваются признаніемъ привиллегій христіанства предъ язычествомъ и преслѣдованіемъ послѣдняго; они берутъ на себя роль протектора того изъ христіанскихъ вѣроученій, которое они считаютъ истиннымъ. Уже Константинъ объявилъ, что привиллегіи, дарованныя религіи, должны принадлежать только католической церкви, а не еретикамъ и схизматикамъ; его основная идея была та, что императоръ долженъ не только защищать и поддерживать христіанскую церковь, но и направлять ее, руководить ²⁾). Эти идеи нашли себѣ жизненную опору не только въ еще свѣжихъ традиціяхъ языческаго государственнаго строя, признававшихъ охрану и руководство государственнымъ культомъ обязанностью императоровъ, но и въ авторитетѣ выдающихся писателей церкви, возлагавшихъ на императора заботу о поддержаніи мира и единства въ христіанской церкви. Такимъ образомъ, прерогативы языческаго императора, какъ религіознаго главы, были перенесены и на христіанскаго ³⁾), чѣмъ послѣдніе воспользовались какъ нельзя лучше и вскорѣ выработали цѣльную политическую программу, девизомъ которой были слѣдующія слова, принадлежащія Константину: одинъ Богъ, одна церковь, одна имперія ⁴⁾). Единство вѣры представлялось христіанскимъ императорамъ, какъ условіе политическаго могущества государства; къ религіознымъ несогласіямъ и распрямъ, возмущавшимъ спокойствіе церкви, они относились поэтому враждебно, и считали себя вправѣ предпринимать противъ еретиковъ извѣстныя мѣры. Эти мѣры при ха-

¹⁾ Маасень, *ib.*, 50—51.

²⁾ Маасень, *ib.*, 60, 61.

³⁾ Geffcken, *ib.*, 93.

⁴⁾ Маасень, *ib.*, 54.

рактёръ императоровъ, какъ защитниковъ мира и единства въ христіанской церкви, естественно должны были перейти въ насилие, въ принужденіе. Система насилія въ V вѣкѣ была возведена въ положительную теорію блаженнымъ Августиномъ. Истинная церковь, по ученію Августина, есть одна, всеобщая, единство коей должно быть поддержано всякими средствами; каждый отдѣльный человѣкъ долженъ вѣрить въ ея авторитетъ, такъ-какъ безъ нея нѣтъ спасенія; весь вопросъ такимъ образомъ только въ томъ, чтобъ онъ къ ней былъ приобщенъ, а какимъ образомъ—это дѣло второстепенное; во всякомъ случаѣ лучше путемъ принужденія, чѣмъ вовсе не. Правда, путемъ принужденія никто не можетъ сдѣлаться христіаниномъ, но принужденіе спасительно, ибо оно приводитъ фанатиковъ къ размышленію и пробуждаетъ сознаніе, что не слѣдуетъ отвергать принужденіе само по себѣ, такъ какъ все дѣло въ томъ, къ чему принуждаютъ: многіе были весьма благодарны послѣ того, какъ ихъ принуждали къ добру, самъ Христосъ прибѣгалъ къ насилію для изгнанія мѣнялъ изъ храма; только собственное ослѣпленіе еретиковъ виною тому, что они навлекаютъ на себя наказанія государства по порученію церкви ¹⁾).

¹⁾ Geffcken. *ib.*, 96. По ученію Августина Богъ въ своемъ милосердіи такъ же поступаетъ съ людьми, какъ отецъ, карающій своихъ дѣтей, поучая ихъ. Лучше прибѣгнуть къ силѣ и удержать еретика на краю пропасти, чѣмъ допустить его до гибели. Погибель духовная еще ужаснѣе, ибо она преслѣдуетъ и въ загробной жизни. Зло поэтому будетъ не въ насиліи, а въ допущеніи равнодушія и снисхожденія къ судьбѣ погибающаго. Наказать, истязать еретика—значитъ воздать ему любовь; оставить же его въ заблужденіи—значитъ нанести ему зло, вопреки евангельскому ученію. Осокинъ, *ib.*, 403, 404. Понятно, что это ученіе плохо мирится съ представленіемъ о той свободной воли, которой требуетъ христіанская религія. Примиреніе между ними возможно только путемъ софизма, къ которому и прибѣгаетъ блаж. Августинъ. Принужденіемъ, говоритъ онъ, свободная воля не уничтожается. Тотъ, кому за правду причиняется зло, терпитъ его по доброй волѣ, а кто сознаетъ, что онъ терпитъ зло за неправду, тотъ можетъ и долженъ обратиться и вмѣстѣ